

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы П. № ... от 01 апреля 2022 года (вх. № ... от 13.04.2022) в отношении адвоката Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 08 июня 2022 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы П. от 01 апреля 2022 года № ... (вх. № ... от 13.04.2022) подлежит прекращению:

в части дисциплинарных обвинений в нарушении адвокатом права подсудимого Пи. на защиту и своевременное рассмотрение уголовного дела - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ч., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, 16.08.2022 письменно сообщил о получении Заключения Квалификационной комиссии (вх. № ... от 16.08.2022), а также о том, что не имеет возможности участвовать в заседании Совета.

Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так установлено, что 18 декабря 2014 года было возбуждено уголовное дело, по которому затем к уголовной ответственности по ст. ст. 105, 162, 222 УК РФ привлечен Пи.

События, непосредственно связанные с настоящим дисциплинарным производством, состояли в следующем.

31 января 2022 года постановлением судьи Ч. районного суда города Москвы П. было удовлетворено ходатайство старшего следователя Ч. МРСО СУ СК РФ по городу Москве Х. об установлении обвиняемому Пи. срока для ознакомления с материалами уголовного дела № ... по 14 февраля 2022 года включительно.

15 февраля 2022 года следователь Х. составил согласно ст. 218 УПК РФ протокол об ознакомлении обвиняемого и (или) его защитника с материалами уголовного дела, который обвиняемый Пи. подписать отказался, а его защитник – адвокат Ч. указал в протоколе многочисленные заявления и ходатайства о допущенных нарушениях прав Пи., а также прав самого адвоката Ч.

На следующий день, 16 февраля 2022 года, обвинительное заключение в отношении Пи. было утверждено первым заместителем Ч. межрайонного прокурора города Москвы Д., и уголовное дело направлено в Ч. районный суд города Москвы, где в этот же день принято к производству судьей П., назначившей на 9-30 час. 17 февраля 2022 года со ссылкой на ст. ст. 108, 228 УПК РФ судебное заседание для разрешения вопроса о мере пресечения в отношении Пи.

В соответствии с постановлением судьи о назначении судебного заседания в судебное заседание подлежали вызову обвиняемый, его защитник, прокурор, переводчик и потерпевшие.

Уведомление адвокату Ч. о назначении на 17 февраля 2022 года судебного заседания для разрешения вопроса о мере пресечения в отношении Пи. было выдано в Ч. районном суде города Москвы только в 11.07 час. в день судебного заседания. При этом обвиняемый Пи. в суд не был доставлен, поскольку в соответствии с письмом Ч. районного суда города Москвы в адрес начальника ФКУ ... УФСИН России по г. Москве участие обвиняемого Пи. требовалось обеспечить путем использования видео-конференц-связи.

В судебном заседании 17 февраля 2022 года адвокатом Ч. неоднократно обращалось внимание суда на незаконность рассмотрения вопроса о продлении срока содержания Пи. под стражей, так как на момент направления данного уголовного дела в суд тот содержался под стражей около 30 месяцев, в связи с чем подлежал немедленному освобождению. Помимо этого, адвокатом Ч. отмечались существенные нарушения положений УПК РФ, допущенные при направлении данного дела в суд, включая отсутствие уведомления обвиняемого и его защитника об утверждении обвинительного заключения, невручение копии утвержденного обвинительного заключения обвиняемому Пи., отсутствие перевода обвинительного заключения на грузинский язык и целый ряд иных нарушений. По мнению защитника Пи. – адвоката Ч., это требовало возвращения уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ. Отдельно адвокат Ч. обращал внимание суда на невозможность оказать квалифицированную юридическую помощь подзащитному Пи., так как последний не находился в зале судебного заседания, что исключало возможность конфиденциального общения между ними.

В связи с тем, что заявленные стороной защиты доводы были оставлены судом без удовлетворения, адвокатом Ч. и обвиняемым Пи. были заявлены отводы как председательствующей судье П., так и заместителю Ч. межрайонного прокурора города Москвы С., которые также остались без удовлетворения.

Во время нахождения судьи П. в совещательной комнате в связи с рассмотрением заявления адвоката Ч. об отводе прокурора, обвиняемый Пи. выразил желание конфиденциально встретиться с адвокатом Ч. в СИЗО для получения квалифицированной юридической помощи, что невозможно было обеспечить дистанционно. В этой связи, после выхода судьи из совещательной комнаты и оглашения постановления об отказе в отводе прокурора, адвокат Ч. уведомил суд о своем вынужденном покидании зала судебного заседания для поездки в СИЗО к Пи. в целях его конфиденциального консультирования.

После ухода адвоката Ч. разбирательство продолжилось без участия защитника обвиняемого Пи., так как прокурор полагал возможным рассмотреть вопрос о продлении стражи *«в отсутствие защитника, с учетом сложившихся сроков меры пресечения»*. В том же судебном заседании 17 февраля 2022 года судом было вынесено постановление об удовлетворении ходатайства заместителя Ч. межрайонного прокурора города Москвы С. об оставлении *«меры пресечения в отношении Пи. в виде заключения под стражу без изменения на время рассмотрения дела, а именно в течение 6 (шести) месяцев 00 суток со дня поступления настоящего уголовного дела в суд, то есть до 16 августа 2022 года»*.

Затем, 21 февраля 2022 года, судьей Ч. районного суда города Москвы П. было вынесено постановление о назначении предварительного слушания по уголовному делу в отношении Пи. на 14.00 час. 02 марта 2022 года, а 16 марта 2022 года по результатам проведенного предварительного слушания вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства защитников о возвращении уголовного дела прокурору и о назначении на 15.00 час. 28 марта 2022 года открытого судебного заседания для рассмотрения уголовного дела в отношении Пи. в общем порядке судебного разбирательства.

12 мая 2022 года апелляционным постановлением Московского городского суда постановление Ч. районного суда города Москвы от 17 февраля 2022 года в отношении Пи. было отменено с передачей вопроса о мере пресечения на новое разбирательство в тот же суд. Срок содержания Пи. под стражей был установлен до 01 июня 2022 года.

Для настоящего дисциплинарного разбирательства существенно, что суд апелляционной инстанции не дал какой-либо оценки покиданию адвокатом Ч. зала судебного заседания и не сослался на данный факт при отмене постановления Ч. районного суда города Москвы от 17 февраля 2022 года. Вместе с тем, признавая незаконным и необоснованным отменяемого судебного решения, суд апелляционной инстанции отметил, что Ч. районным судом города Москвы не было обеспечено право обвиняемого на защиту. Это

выразилось, в частности, и в том, что при отсутствии каких-либо объективных препятствий в личном участии обвиняемого Пи. в судебном заседании, судом первой инстанции было нарушено право обвиняемого участвовать в судебном заседании и пользоваться помощью защитника. Это обстоятельство признано судом апелляционной инстанции существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства и безусловным основанием для отмены судебного решения.

Оценивая поведение адвоката Ч. на предмет соблюдения им профессионально-этических норм, Совет обращает внимание, что в условиях истечения предельного 18-месячного срока содержания Пи. под стражей (что впоследствии было также установлено вышеуказанным постановлением Московского городского суда от 24 февраля 2022 года) первый заместитель Ч. межрайонного прокурора города Москвы Д. утвердил обвинительное заключение по уголовному делу в отношении обвиняемого Пи. в день его поступления в Ч. межрайонную прокуратуру города Москвы (16 февраля 2022 года) и в тот же день направил данное уголовное дело в суд. При этом на момент принятия данного процессуального решения Пи. содержался под стражей 22,5 месяца.

Кроме того, постановление Ч. районного суда города Москвы от 16 февраля 2022 года о назначении на 17 февраля 2022 года судебного заседания для разрешения вопроса о мере пресечения, избранной в отношении Пи., было вынесено без учета требований ч. 2 ст. 228 УПК РФ, согласно которым о месте, дате и времени судебного заседания по вопросу о мере пресечения стороны должны быть извещены не менее чем за трое суток до его начала. Между тем, как следует из документов, представленных в материалы дисциплинарного производства адвокатом Ч. и не опровергнутых заявителем, уведомление о месте, дате и времени судебного заседания по вопросу меры пресечения в отношении Пи. было вручено адвокату Ч. в суде уже после начала судебного заседания - в 11.07 час. 17 февраля 2022 года, то есть, вопреки приведённым требованиям ч. 2 ст. 228 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство уголовного дела проводится при обязательном участии подсудимого за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой настоящей статьи. Однако, как было впоследствии отмечено Московским городским судом в апелляционном постановлении от 12 мая 2022 года, Ч. районный суд города Москвы принял решение об участии обвиняемого Пи. в судебном заседании посредством видео-конференц-связи в отсутствие документально подтвержденных данных о невозможности его личного участия в судебном заседании.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что при установленных в ходе дисциплинарного разбирательства обстоятельствах не нашло подтверждения дисциплинарное обвинение в том, что именно покидание 17 февраля 2022 года адвокатом Ч. судебного заседания Ч. районного суда города Москвы по уголовному делу в отношении Пи. привело к грубому нарушению прав участников, в том числе

обвиняемого Пи., «на судопроизводство и на защиту». Напротив, из материалов дисциплинарного дела усматривается, что в сложившейся ситуации продолжение участия адвоката Ч. в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 17 февраля 2022 года без возможности реализации основополагающего права обвиняемого на конфиденциальное общение со своим защитником повлекло бы как нарушение процессуальных прав обвиняемого Пи., так и норм профессиональной этики адвоката.

Факты истечения установленного уголовно-процессуальным законом предельного срока содержания Пи. под стражей, назначения Ч. районным судом города Москвы судебного заседания для решения вопроса о мере пресечения на 17 февраля 2022 года, то есть на следующий день после поступления уголовного дела в Ч. районный суд города Москвы, а также участие обвиняемого Пи. в данном судебном заседании лишь посредством видео-конференц-связи, в своей совокупности создали такие условия, при которых защитник Пи. адвокат Ч. был обязан принять меры, направленные на реализацию прав Пи., предусмотренных ч. 3 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Однако это было невозможно сделать в случае продолжения участия адвоката Ч. в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы, в том числе с учетом мнения обвиняемого Пи., выраженного им 17 февраля 2022 года, о необходимости незамедлительной конфиденциальной встречи с защитником для получения консультации относительно сложившейся ситуации и дальнейших действиях.

Совет признаёт установленным, что в сложившихся обстоятельствах у адвоката Ч. не имелось возможности оказания своему подзащитному Пи. квалифицированной юридической помощи в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 17 февраля 2022 года. В свою очередь, обвиняемый Пи., не владеющий русским языком и не присутствующий непосредственно в зале судебного заседания в результате необоснованного (как это установлено апелляционным постановлением Московского городского суда от 12 мая 2022 года) решения суда первой инстанции об использовании видео-конференц-связи, был лишен возможности конфиденциального общения со своим защитником – адвокатом Ч.

Сложившаяся ситуация была обусловлена совокупностью упомянутых выше процессуальных решений и действий следователя, прокурора и судьи и не зависела от профессионального поведения адвоката Ч., возражавшего в судебном заседании против этих действий и решений и указавшего суду на их незаконность.

При изложенных обстоятельствах дальнейшее участие адвоката Ч. в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 17 февраля 2022 года фактически легитимировало бы нарушения прав обвиняемого Пи. и создавало бы иллюзию соблюдения его права на защиту.

По этим причинам вынужденное покидание адвокатом Ч. судебного заседания Ч. районного суда города Москвы являлось единственным способом честного, разумного, добросовестного, квалифицированного, принципиального и своевременного исполнения им обязанности по защите

прав, свобод и интересов доверителя Пи. всеми не запрещенными законодательством средствами.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией в том, что сложившаяся экстраординарная процессуальная ситуация требовала от адвоката Ч. принятия решения в обстоятельствах крайней необходимости.

Установленный судебным решением срок содержания Пи. под стражей истекал 20 февраля 2022 года и являлся предельно допустимым. Этот срок с очевидностью не мог быть продлен путём рассмотрения судом соответствующего ходатайства следователя. Соответственно, обвиняемый Пи. уже находился в уязвимом положении с точки зрения соблюдения своего фундаментального права на свободу. По этой причине актуальность беспрепятственной реализации прав, предусмотренных в том числе ч. 3 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, лишь возросла. Однако в силу уже упомянутых крайне сжатых сроков принятия и реализации процессуальных решений, адвокат Ч. не имел возможности обсудить с подзащитным Пи. складывающуюся процессуально-правовую ситуацию. Это обстоятельство дополнительно создавало исключительность ситуации, в которой адвокату Ч. требовалось принять решение о выборе действий по оказанию квалифицированной юридической помощи Пи. в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 17 февраля 2022 года либо за его пределами.

Заявленное обвиняемым Пи. и поддержанное адвокатом Ч. ходатайство об отложении судебного заседания 17 февраля 2022 года по причине неосведомленности Пи. о существе обвинения, а также по причине наличия у него желания лично присутствовать в судебном заседании и получить от адвоката конфиденциальные разъяснения о происходящем в суде, равно как и все иные заявления и ходатайства обвиняемого Пи. и его защитника – адвоката Ч., были судом отклонены, что привело к исчерпанию последним возможностей по защите прав обвиняемого Пи. непосредственно в судебном заседании.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ч. 17 февраля 2022 года неоднократно указывал суду на недопустимость рассмотрения вопроса о мере пресечения в отношении Пи. в его отсутствие в зале суда. Однако, как было установлено Московским городским судом в апелляционном постановлении от 12 мая 2022 года, председательствующим *«при отсутствии каких-либо объективных препятствий не было предпринято никаких процессуальных действий, направленных на обеспечение права обвиняемого на защиту»*.

Совет также отмечает, что утверждение заявителя о покидании адвокатом Ч. зала суда без согласования со своим подзащитным Пи. не соответствуют установленным в результате дисциплинарного производства обстоятельствам. Так, из аудиозаписи судебного заседания за 17 февраля 2022 года, представленной адвокатом Ч., следует, что обвиняемый Пи. не только был полностью согласен с уходом адвоката Ч. из зала суда и настаивал на этом, но и сам высказывал желание *«самоудалиться»* из судебного заседания, поскольку не понимал происходящего и затруднялся в

определении своих действий без конфиденциальной консультации с защитником.

Совет, с учётом всей совокупности существенных обстоятельств, достоверно установленных Квалификационной комиссией, признает, что основной и полностью правомерной целью стороны защиты в сложившейся ситуации было добиться от суда создания условий для надлежащего оказания адвокатом Ч. своему доверителю Пи. квалифицированной юридической помощи, и все действия адвоката Ч. были подчинены достижению именно этой цели. Потребность обвиняемого Пи. в конфиденциальном общении со своим защитником носила объективный характер, но его нахождение вне зала судебного заседания и участие в разбирательстве путем видеоконференц-связи исключили возможность такого общения.

При таких обстоятельствах покидание адвокатом Ч. зала судебного заседания для посещения подзащитного Пи. в СИЗО в целях проведения конфиденциального свидания с ним Совет рассматривает не как отказ или самоустранение адвоката Ч. от защиты Пи., а как единственно возможный в сложившихся обстоятельствах способ фиксации невозможности оказания квалифицированной правовой помощи своему доверителю Пи. в судебном заседании Ч. районного суда города Москвы 17 февраля 2022 года в условиях установленного судом апелляционной инстанции нарушения права обвиняемого Пи. на защиту, включая непосредственное участие в судебном заседании.

Совет, в числе прочего, учитывает и традиции российской присяжной адвокатуры, допускавшие в отдельных случаях возможность для адвоката удалиться из зала судебного заседания, если защитник по вине председателя суда не в состоянии надлежащим образом разумно и спокойно продолжать исполнение своих обязанностей по защите вверенной ему подсудимым участи: *«Такой исход представляется единственно возможным средством охранять как достоинство и честь адвокатского сословия, так равно и интересы правосудия»*. В одной из подобных ситуаций, когда в действиях суда защита усмотрела вопиющие нарушения своих прав и законных интересов обвиняемых, которые были затем подтверждены вышестоящей судебной инстанцией, Московский Совет присяжных поверенных постановил, что *«уход защитников из залы заседания был единственным возможным и доступным им протестом против неправомерных действий Суда, уход их из залы заседания – естествен и вполне понятен»*. (Марков А.А. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / Москва, 1913 [652; 678]).

Давая оценку дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Ч. права подсудимого Пи. на защиту и своевременное рассмотрение уголовного дела, Совет отмечает и доводит до сведения заявителя следующее. Несмотря на то, что в соответствии с положениями пп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому

выступает адвокат, в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства, только при реализации судом своих полномочий по обеспечению участия адвоката-защитника для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, он обладает правом на выдвижение в отношении такого адвоката дисциплинарного обвинения в случаях отказа назначенного защитника от принятой на себя защиты по уголовному делу и ненадлежащего выполнения им профессиональных обязанностей.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют данные о наличии у доверителя адвоката Ч. – обвиняемого Пи. каких-либо претензий к оказанной ему адвокатом Ч. правовой помощи. Напротив, как указано выше, в соответствии с аудиозаписью судебного заседания Ч. районного суда города Москвы от 17 февраля 2022 года, представленной адвокатом Ч. и не опровергнутой заявителем, обвиняемый Пи. полностью поддерживал действия своего защитника Ч., одобрял их и настаивал на их осуществлении.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Комиссией приходит к выводу о том, что заявитель в настоящем дисциплинарном производстве – судья Ч. районного суда города Москвы П., не являющаяся доверителем адвоката Ч., не наделена правом выдвигать дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ч. совершил действия, *«выразившиеся в оставлении без защиты обвиняемого Пи.»*. Следовательно, в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению судьи Ч. районного суда города Москвы П. от 01 апреля 2022 года № ... (вх. № ... от 13.04.2022):

в части дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом права подсудимого Пи. на защиту и своевременное рассмотрение уголовного дела - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков